

ДИДРО, ДЕНИ (Diderot, Denis) (1713–1784), философ, романист и художественный критик. Родился 5 октября 1713 в Лангре (Шампань), в семье ножовщика. Образование получил в иезуитском коллеже Лангра, впоследствии, вероятно, учился в парижском янсенитском Коллеж д'Аркур. Отказавшись от церковной карьеры, зарабатывал на жизнь (отец отказал ему в содержании) частными уроками и случайными статьями в журналах, неплохие деньги доставляло сочинение проповедей. Круг его друзей в ту пору состоял преимущественно из таких же полунинщих интеллектуалов, и похоже, он сделался в этом окружении непререкаемым авторитетом.

В 1741 Дидро влюбился в Антуанетту (Нанетту) Шампньон, жившую в большой бедности с овдовевшей матерью. Они решили вступить в брак, и он отправился в Лангр объявить об этом и потребовать причитающуюся ему долю семейного состояния, однако отцу удалось посадить его в тюрьму. Бежав из темницы, Дидро вернулся в Париж, где они с Нанеттой тайно обвенчались. Супруги не очень подходили друг для друга: Дидро не был верным мужем, а Нанетта с годами сделалась невыносимо сварливой; тем не менее они не расставались до смерти.

В начале 1740-х годов Дидро поручили перевести *Рассуждение о достоинстве и добродетели* (*Inquiry Concerning Virtue and Merit*) Шефтсбери, в ту пору мало известного во Франции. На страницах этой работы (в значительной степени самостоятельной) он предстает еще теистом, но уже год спустя в *Философских мыслях* (*Penses philosophiques*), своего рода опровержении *Мыслей* Паскаля, он выступает как скептик и вольнодумец. К этому времени Дидро-философ уже достиг зрелости, заявляя о себе как об атеисте, материалисте и детерминисте, но прежде всего – как о поборнике скептицизма. Напечатанные без имени автора *Философские мысли* имели значительный успех, выразившийся также в публичном сожжении.

Вместе со своим другом Ж.Л. Даламбером он получил приглашение стать во главе огромного нового начинания, названного, *Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел* (*Encyclopdie, ou Dictionnaire raisonn des sciences, des arts et des mtiers*). Издатель поначалу рассматривал этот словарь просто как перевод *Энциклопедии* Э. Чемберса (1728), но усилиями Дидро и Даламбера тот превратился во всеобъемлющее обозрение современного состояния знаний во Франции. Тогда же Дидро напечатал эпикурейский роман в духе «либертинства» *Нескромные сокровища* (*Les Bijoux indiscrets*).

После *Философских писем* репутация Дидро подверглась новому испытанию, когда в 1749 он опубликовал вызывающе дерзкое *Письмо о слепых в назидание зрячим* (*La Lettre sur les aveugles l'usage de ceux qui voient*). Дидро был заключен в Венсенскую крепость-тюрьму, где провел около четырех месяцев.

По выходе из тюрьмы работа над *Энциклопедией* возобновилась, к ней привлекли многих выдающихся представителей науки и искусства, включая Вольтера. Дидро занимался историей философии и ремесел. Редакторы строили свою энциклопедию в согласии с принципом «древа знания» Ф. Бэкона, впрочем, несколько подправив «древо», так что религия оказывалась просто ветвью философии, а история представляла скромным разделом памяти. Особой заботой редакторов было сочетание «словарного» (алфавитного) порядка статей, удобного для обычного читателя, с предположительно более философским, «энциклопедическим» охватом материала, для чего была изобретена сложная иерархическая система перекрестных отсылок. Через эти отсылки статья,

например, ортодоксально религиозного содержания увязывалась с другой статьей, опровергавшей все основные тезисы первой. Работа, в конечном итоге составившая 17 томов текста и 11 томов таблиц, потребовала многих лет. На первых порах поддерживаемая властями, затем она приобрела могущественных противников, в особенности среди иезуитов, и несколько раз приостанавливалась королевскими эдиктами. Когда она была доведена до середины, еще одним ударом стало отступничество Даламбера; последнее потрясение Дидро испытал, обнаружив, что издатель без его ведома осуществил цензуру статей.

Одним из основных поставщиков статей для Дидро был П.Гольбах, чей дом стал своего рода фабрикой, где переводились и откуда распространялись труды радикального и атеистического характера. На обедах у Гольбаха Дидро встретился и свел знакомство с Д.Юмом, Д.Гарриком, Д.Уилксом и Л.Стерном.

Вскоре после появления первого тома *Энциклопедии* Дидро опубликовал *Письмо о глухих и немых* (*La Lettre sur les sourds et muets*), продолжавшее более раннее *Письмо о слепых*. Оба *Письма* исходят из теории Дж.Локка, которую Дидро и его друзья-просветители считали непреложной истиной: не существует «врожденных идей», все знание приобретается из опыта. *Письмо о глухих и немых* содержит неожиданный поворот мысли: раздумывая о том, как нужно представлять происхождение языка, когда существуют глухонемые, автор приходит к «иероглифической» теории природы поэзии. В обоих *Письмах* главенствует дорогая для Дидро мысль: философу может потребоваться «ослепить себя», чтобы по-настоящему видеть, и «стать глухим», чтобы как следует слышать.

Связано с *Письмами* и другое сочинение Дидро этого периода – *Мысли об объяснении природы* (*Penses sur l'interprétation de la nature*, 1753), серия размышлений о роли «догадки» в науке. Незадолго до этого естествоиспытатель Ж.Л.Л.Бюффон подверг критике претензии математики на абсолютную роль в познании, и Дидро вслед ему доказывал, что господство математики, которая представляет собой набор условных формул и имеет дело с абстрактными сущностями, отнюдь не идентичными реальным явлениям, подходит к концу, и она должна уступить место естественным наукам. Эта перемена, утверждал далее Дидро, приведет к тому, что новая и творчески более значительная роль будет принадлежать опытному знанию.

Около 1756 под впечатлением от случайно попавшей ему в руки комедии К.Гольдони *Настоящий друг* Дидро написал драму *Побочный сын* (*Le Fils naturel*), в развитии действия близко следующую за пьесой Гольдони (местами два эти произведения почти неотличимы), однако стремящуюся придать конфликту более серьезный философский характер. В сопутствующем пьесе трактате герой намечает программы нового, реформированного театра, порывающего с условностями классицизма. Недоброжелатели Дидро поспешили обвинить его в плагиате, и пьеса имела во Франции скромный успех, зато вторая пьеса Дидро, *Отец семейства* (*Le Père de famille*), вошла в репертуар «Комеди-Франсез». Сочинения, в которых он изложил свое понимание театрального искусства и концепцию новой, домашней драмы имели значительный резонанс, особенно за пределами Франции.

Через Ж-Ж.Руссо Дидро познакомился с немецким литератором Ф.М.Гриммом, который издавал рукописный журнал «Корреспонданс литерер», знакомявший королевских особ с культурной жизнью Парижа. Начиная с 1759 Дидро освещал в нем устраиваемые раз в два

года выставки живописи в Лувре – *Салоны (Salons)*. Готовя эти статьи, он посещал мастерские знаменитых французских художников. Его пространные «обозрения» по форме часто представляли собой сюжетные повествования или философские фантазии, охватывающие самые разные темы.

Из этих и других сочинений Дидро возникает продуманная и ясная система эстетических взглядов, тесно связанная с его этическими концепциями. Эта связь хорошо видна на примере *Парадокса об актере (Paradoxe sur le comdien)*. Сочинение было начато как отзыв о книге, посвященной английскому актеру Д.Гаррику, но приобрело форму диалога об искусстве и актерской игре. Впоследствии обсуждавшееся и оспаривавшееся многими актерами, оно затрагивало и более широкую тему, так как Дидро обосновывает парадокс, согласно которому талант оплачивается высокой ценой – одаренные талантом люди становятся бесчувственными чудовищами.

В середине 1760-х годов, когда работа над *Энциклопедией* почти закончилась, Дидро, заботясь о приданом для дочери, решил продать свою библиотеку. Его друг и работодатель Гримм, благодаря «Корреспонданс литерер» хорошо знакомый с Екатериной II, предложил ей приобрести библиотеку. Царица согласилась, поставив условием, что Дидро останется хранителем библиотеки и ее личным библиотекарем. Дидро стал советником Екатерины II в делах, связанных с живописью, помог ей положить начало коллекции Эрмитажа. В 1773 он отправился в Санкт-Петербург, где был принят с особыми почестями. В нескольких трактатах, написанных для Екатерины II в эту пору и позднее, Дидро пытался (без заметного успеха) разъяснить зло абсолютистской власти, склонить к освобождению крестьян от крепостной зависимости, написал замечания на проект *Наказа*.

Путешествие подорвало его здоровье, однако Дидро еще несколько лет отдавал много сил литературным проектам. Он подготовил обширный материал для своего друга Г.Рейналя, писавшего *Историю обеих Индий (Histoire de deux Indes)*, с резкой критикой колониальной политики Франции; опубликовал обширное *Эссе о Сенеке (Essai sur Snque)*, где пытался оправдать философа и государственного деятеля, в котором привычно видели воплощенное лицемерие; в рукописи остался законченный большой трактат по физиологии. В феврале 1774 его разбил удар, и 31 июля того же года Дидро умер; его жена Нанетта воспрепятствовала попыткам обратить умирающего в лоно церкви. В согласии с его желанием дочь Анжелика отослала экземпляр ненапечатанных рукописей Екатерине II. В Петербург была перевезена и библиотека Дидро, купленная императрицей еще в 1765.

Литературное наследие Дидро составляют две группы произведений. Одна – это сочинения, напечатанные при его жизни и представляющие большой, но по существу лишь исторический интерес; другая – несколько замечательных произведений в прозе, едва известных современникам Дидро, но много говорящих современному читателю. Самое раннее из них – роман *Монахиня (La Religieuse)*, в котором содержится великолепное исследование психологии монашеской жизни, равно как резкие ее обличения. По-видимому, Дидро не показывал *Монахиню* своим друзьям, хотя под конец жизни опубликовал роман в «Корреспонданс литерер». Еще большую скрытность он проявил в отношении вскоре набросанного, а возможно и написанного набело диалога *Племянник Рамо (Le Neveu de Rameau)*. Это необычное произведение, которое так любили И.В.Гёте (переведший его на немецкий), Г.В.Ф.Гегель (обращавшийся к нему в *Феноменологии духа*), К.Маркс (отдававший Дидро предпочтение перед всеми другими

прозаиками) и З.Фрейд (нашедший, что здесь предвосхищен Эдипов комплекс), вне сомнения, сам Дидро не собирался публиковать.

Произведение открыто для многих интерпретаций, однако в определенном отношении представляет собой размышление о природе гениальности. В диалоге участвуют философ (можно назвать его вторым «я» Дидро) и его знакомый Жан-Франсуа Рамо, племянник выдающегося композитора Жана-Филиппа Рамо – сам неудавшийся композитор, опустившийся человек, который погряз в нищете и прославился лишь экстравагантными теориями и шутками. Нужда заставляет его вести паразитическое существование, фиглярством добывая себе хлеб и кров, и он излагает целую науку о паразитизме. Второе «я» Дидро то забавляется, то испытывает к собеседнику отвращение, но признает, что опровергнуть его доводы нелегко. В этом, однако, и нет особой нужды, так как для самого Рамо не тайна, что в его построениях есть фатальный изъян. Обманувшись во всех своих упованиях, он пытается обрести опору в цинизме, но и цинизм оказывается ненадежной точкой отсчета.

В 1769 Дидро написал полный фантазии пародийно сократический диалог о материализме *Сон Даламбера* (*Rve de d'Alembert*). Дидро и Даламбер беседуют о Декарте, и Дидро развивает один из своих любимых материалистических парадоксов, состоящий в том, что вся материя наделена способностью чувствовать, так что нет нужды вслед за картезианцами говорить о «душе». Последнее выдающееся литературное произведение Дидро, *Жак-фаталист* (*Jacques le fataliste*), написанное годом-двумя позже, навеяно *Тристрамом Шенди* Л.Стерна. Это пикарескный роман, перебиваемый отступлениями, внутри которых имеются свои отступления; в центре – безымянный Хозяин и его слуга Жак, действие состоит в их соперничестве друг с другом за власть; верх без труда берет Жак. Взаимоотношения героев и переход власти из рук в руки воспринимаются как притча, обладающая многогранным содержанием: речь идет и о природе литературного вымысла, и об отказе повествователя служить смиренным слугой или пособником читателя, и о французском обществе и зависимости дворянства от третьего сословия, и о судьбе, о необходимости для каждого признать ее верховную власть. В диалоге *Сон Даламбера* Дидро размышляет о сущности материализма, в романе – о всесиии детерминизма. Живой и веселый характер повествования напоминает сочинения Стерна, однако парадоксальность и глубина – заслуга Дидро.